

THE EASTERN
125: July 2020

ЦЕРКОВЬ СВТ. ИОАННА
ST JOHN'S RUSSIAN
Military Road, Colchester,

ORTHODOX No

ШАНХАЙСКОГО
ORTHODOX CHURCH
Essex CO1 2AN

The Church of St John of the largest Russian Orthodox British Isles and is attended by nationalities, with some 100 baptisms per year. It is a parish of the East of England Orthodox Church Trust (Charity No: 1081707), part of the Russian Orthodox Church, comprising Colchester, Norwich, Wisbech and Bury St Edmunds, looking after faithful Orthodox in the East of England.

Shanghai, built in 1855, is church building in the 3,000 Orthodox of 24

Rector, Prison Chaplain and Safeguarding Lead: прот. Андрей Филлипс / Archpriest Andrew Phillips M.A. (Oxon): frandrew_anglorus@yahoo.co.uk / 07745 298266

Assistant (Colchester): Fr Ioan Iana (Romanian): ovi.iana@yahoo.com / 07983 204844

Assistant (Norwich): Fr Spasimir Ivanov (Bulgarian): miro.si@abv.bg / 07746 272011

Subdeacon: Timothy Phillips

Readers: Jack Sardo, Daniel Zabacinschi, Maxim Brown, Sergei Smantana

Choir and Sisterhood: Sabine Phillips: sabinenbn@yahoo.co.uk

Caretaker and Gardener: Paul Hopkins, 69 Military Road

Sunday School, St Alban's Youth Club, Searchlight Magazine and St Juliana's Sewing Club: Mary Kisliakova: mary0170@yahoo.com

St Joseph's Construction Club: Martina Colto: coltomarian@yahoo.com

Russian School: Sophia Bown: safi@mail.ru

Church Bookshop and Publications: Audrey Body: abody@st-albans.suffolk.sch.uk

Icon Painter: Elena Khmel'nitskaya: darrat@ukr.net

Russian Orthodox Camp (Ages 9-16): Fr Stephen Platt: fr.stephen.platt@googlemail.com

Facebook: www.facebook.com/stjohnsorthodoxcolchester

Youtube: <http://www.youtube.com/watch?v=rE2T2sYTy8s>

Website: www.orthodoxengland.org.uk

Расписание Богослужений / Timetable of Services

Friday 3 July

5.30 pm: Vigil / Всенощное бдение

Saturday 4 June: Patronal Feast / Престольный праздник: St John of Shanghai / День памяти Свт. Иоанна Шанхайского

9.00 am: Hours, Liturgy (Blessing of Water at 7.30 am). Часы, Божественная литургия (Малое освящение воды в 7.30).

2.00 pm: Vigil / Всенощное бдение

Sunday 5 July: All the Saints who have Shone forth in these Isles / Собор всех святых, на Британских островах и в Ирландии просиявших

9.00 am: Hours and Divine Liturgy / Часы и Божественная Литургия

Saturday 11 July

5.30 pm: Vigil / Всенощное бдение

Sunday 12 July: Holy Leaders of the Apostles Peter and Paul / Св. первоверховных апостолов Петра и Павла

9.00 am: Hours and Divine Liturgy / Часы и Божественная Литургия

Saturday 18 July

5.30 pm: Vigil / Всенощное бдение

Sunday 19 July

9.00 am: Hours and Divine Liturgy / Часы и Божественная Литургия

Saturday 25 July

5.30 pm: Vigil / Всенощное бдение

Sunday 26 July

9.00 am: Hours and Divine Liturgy / Часы и Божественная Литургия

Church News

Please note that the Hours now begin at 9.00 and the Divine Liturgy at 9.20.

Our Vera Has Passed Away:

Our dear parishioner and friend, Vera Kurganskaya, passed away in the early morning of 24 June after suffering from cancer for 7 years.

Funeral in June

30 June: Nikolai Chilishchev (From Barking, aged 86)

Baptisms

The British State has now allowed us to baptise: we are expecting to have about 40 in July.

PR-ПРОДВИЖЕНИЕ И ПСИХОЛОГИЗАЦИЯ ПРАВОСЛАВИЯ

О задачах религиозных консультантов в рамках греко-протестантских реформ

[Александр Щипков](#)

Источник: [«Парламентская газета»](#)

В России греко-протестантизм находится в поле зрения церковной общественности с 2018 года. Это течение является идеологическим проектом либеральных групп, которые играют в мировом православии роль своеобразной псевдоморфозы. Оно, подобно троянскому коню, отстаивает идею трансформации не только православного богословия, но и самого церковного устройства в греко-протестантском духе.

Александр Щипков. Фото: С. Мшвилдадзе / Православие.Ru

Предыстория

Греко-протестантизм представляет собой комплекс идей секуляризированной протестантской этики, соединённый с символическим языком православия и повторяющий его внешнюю культурную форму, но, тем не менее сформированный под влиянием секуляризма и неолиберальной идеологии.

Определяющую роль в этом формировании сыграло радикал-модернистское учение Константинопольского патриархата о «греческом этосе православия», утверждающего,

что православные всего мира должны следовать эталонам этого этоса, сформированного исключительно в поле исторического эллинизма. Ведущую роль здесь играют греческие модернистские богословы, проживающие в США и находящиеся под влиянием американского протестантизма и американской внешней политики. В России эти идеи вторичны, их активно пропагандируют ведомые теологи, находящиеся в интеллектуальной зависимости от своих американских учителей.

Последним событием в рамках греко-протестантской тенденции стала новая версия модернистского «богословия после», привязанная к событиям коронавирусной пандемии. Речь шла об «экстренной реформации» Русской православной церкви под предлогом «гнева Божьего», явленного во временной приостановке публичных служб в храмах. Носители греко-протестантской идеи вменяли другим членам Церкви прочтение этой ситуации в духе «Господь изгоняет нас из храмов» и — как бы вследствие этого — «мы должны реформировать Церковь прямо сейчас».

Идея использовать богословие в оранжевых целях родилась достаточно давно и отнюдь не в России. «Богословию после пандемии» предшествовало «богословие после Майдана».

Исходом такой риторики обычно является некий богословский категорический императив. Эзотерика в итоге порождает некие силовые технократические решения.

Момент, связанный с пандемией, упущен: «православная реформация» не началась — церковный народ её не принял. Тем не менее идеи инфильтрации русской православной идентичности элементами греко-протестантизма и связанных с этим структурных изменений в церкви остаются в силе. Речь идёт, в частности, о замене исторических церковных институтов аналогами институтов секулярного республиканизма, о деиерархизации и поддержании вялотекущего раскола в виде «конфедерации свободных общин-ассоциаций», выборности епископата, «всеобщем священстве», разрыве с каноничностью, секуляризацией церковного языка.

Проводниками всех этих изменений, по мысли последователей греко-протестантизма, должны стать «активные прихожане» — по аналогии с «активными горожанами» эпохи московской болотной революции 2012 года. Конечной целью тех и других является революционный переворот, в одном случае в государстве, в другом — в Церкви, но производимый по единым образцам.

В церковном варианте речь идёт о кардинальном изменении духа и буквы церковного наследия. **Вместо христианизации и духовного просвещения общества предполагается секуляризация самой Церкви, приведение ее к стандартам постмодернистского и постгуманистического общества, построение симулятивной «миссии».** Вполне очевидно, что все это в случае реального воплощения привело бы к девальвации всей системы христианских ценностей и смыслов, к утрате («сбросу на ноль», говоря языком западного модернистского богословия) опыта святоотеческого наследия.

Религиозный консультант вместо священника

Направленность греко-протестантского реформизма выражается в предложениях провести корректировку содержания учебных дисциплин при подготовке священнослужителей. Необходимость изменений объясняют устарелостью традиционных форм миссионерской работы и проповедничества. В качестве

эффективного решения предполагают обновление системы духовного образования с всё более явной установкой на консьюмеризацию и психологизацию проповеди и миссионерства.

Подгонка духовного образования под существующие светские образовательные стандарты ведёт к появлению в предметной сетке таких дисциплин как основы PR или секулярная психология. Настроения либерал-православных всегда прямо коррелируют с секуляристской повесткой.

В конечном счёте речь идёт о формировании принципиально нового типа священника — религиозного консультанта. Религиозный консультант в отличие от традиционного священника действует во время исповеди и личных бесед как психоаналитик, а в публичной сфере — как пиар-агент, рассматривающий церковное наследие как своего рода «актив», подлежащий утилитаризации и монетизации.

Содержание и направленность проповеди, произносимой священником-консультантом в рамках действия новых дисциплинарных приоритетов, кардинально меняют смысл и направленность, фактически переориентируются на новые цели, далекие от христианского миссионерства. Они позволяют формировать личность, главные качества которой не коррелируют с православной сотериологией.

Диссертации отдельных фигур, считающихся знаковыми внутри либерал-православного комьюнити, нередко бывают посвящены доминированию нравственного над духовным и придают приоритетное значение постмодернистской аксиоматике. Например, вслед за представителями протестантского богословия утверждается, что атеизм обладает «самостоятельной ценностью», поскольку содержит «бесценный опыт жизни «вне Бога»».

Новая методология работы пастыря в рамках постмодернистского греко-протестантского направления формируется на основе психоанализа, а PR-технологии предписывается использовать как основные приёмы проповеди. Категории церковного и божественного тем самым перемещают в сферу денежно-символического (рыночного) обмена.

В Церкви всегда существовали различные школы духовничества — Николая Гурьянова, Авеля Македонова, Наума Байбородина, Кирилла Павлова, Иоанна Крестьянкина и многих иных, — каждая из которых вела ко Христу. Но многообразие духовных методик названных мною старцев не имеет ничего общего с релятивистским и конструктивистским истолкованием дела Церкви и ее идеалов в греко-протестантской доктрине.

В последнее время плоды подобного подхода мы наблюдаем, например, в области культуры. Князь Мышкин скачет по сцене голым, Ленский и Онегин дерутся пивными кружками, дирижёр оркестра выходит в клоунском гриме — всё это называется «актуализацией классики». В этих рамках правила игры диктует невидимый зрителю продюсер. И если в культуре на выходе получается низкопробная попса, то на месте религиозной проповеди получится фабрика ересей и набор симулякров. В сущности, мы уже наблюдаем примеры такого миссионерского пиара в США и Европе, где

плодятся «политкорректные Библии», а призыв к покаянию и избавлению от греха объявляется тоталитарным давлением на личность.

PR-технологии

Традиция церковной проповеди разрушается, реальный миссионерский опыт отбрасывается как якобы устаревший. Проводники греко-протестантизма сегодня используют тезис о том, что деятельность Церкви, которая направлена на духовную помощь человеку в деле спасения его бессмертной души, — это и есть «связи с общественностью». В данном случае применяется ложное тождество понятий «люди» (онтологическое понятие) и «общественность» (конструктивистский концепт). Понятие «общественность» всегда идеологически нагружено теми, кто в данный момент владеет сознанием масс и рычагами власти, контролирует политическую повестку и СМИ. К общественности обращаются партийные спикеры, шоумены, пропагандисты, чиновники-управленцы. Церковь в отличие от них обращается не к общественности, а именно к людям.

В последнее время нередко приходится слышать о наращивании вокруг христианства «символического капитала» (термин левого социолога Пьера Бурдьё) — очевидно, что такой капитал обладает именно сравнительной, а не абсолютной ценностью по сравнению с другими его видами, что само по себе противоречит абсолютному, вневременному и надисторическому характеру христианских ценностей. Реформаторы, использующие теоретический инструментарий Пьера Бурдьё, умалчивают, что в авторском понимании символический капитал свободно конвертируется в финансовый, и в этом заключается его важнейшее свойство. Между тем монетизация христианства и извлечение прибыли из евангельских истин столь же недопустимы, сколь и невозможны — если только не иметь в виду опыт платного отпущения грехов и продажи индульгенций, во многом подтолкнувший, как известно, западную Реформацию.

Христианская проповедь не имеет ничего общего с рекламными и PR-технологиями. Она апеллирует не к ситуативным потребностям человека, не к потребностям его биологического и социального тела, а к вечным потребностям души. Тогда как всякого рекламщика учат: если вы добьётесь от отдельного клиента хотя бы однократной покупки вашего товара — цель уже достигнута. PR-продвижение всегда формирует завышенные потребности и резко снижает критичность аудитории: «покупай — подешевело», «вы этого достойны», «имидж ничто — жажда все», «голосуй — а то проиграешь» и т.п. Реклама взывает к наиболее элементарным механизмам восприятия, но Церкви нужна умная паства, а не бездумное стадо, Церковь научает людей слушать свою совесть, а не свои сиюминутные пожелания.

Превращение Церкви в фирму по спасению и снисканию благодати невозможно, потому что Церковь говорит не «от себя», а от Бога, в связи с чем неясно, как она создавала бы фирменный стиль, идеологию церковного «бренда» и прочие элементы, необходимые для «продвижения товара». Также, действуя в русле рекламных и PR-технологий по известным в этой сфере методичкам, Церковь была бы вынуждена заниматься «формированием спроса», для начала вычислив и определив свою целевую группу. Последнее также невозможно, учитывая, что слово Божие изначально обращено ко всем людям, а не к той или иной целевой группе. Таким образом, попытка

«продвижения» христианского наследия средствами PR-технологий и психоаналитических техник автоматически ведёт к ощутимым еретическим искажениям слова Божьего и к полной десакрализации проповеди.

Строго говоря, «продвижение» десакрализирует объект, и он из абсолютного автоматически становится относительным, конечным — не трансцендентным и трансцендентальным, а имманентным и эмпирическим. Бог трансцендентален. «Продвижение» превращает Его образ и Его слово в обычную вещь, не просто профанную, но и совершенно бесполезную с христианской точки зрения.

Психологизация спроса

Как и в сфере «большой» информационной экономики, в предлагаемой греко-протестантизмом церковной «экономике услуг» происходит психологизация спроса — превращение продаваемой вещи в символ самооценки самого покупателя. Этот отрыв образа вещи от самой вещи аналогичен отрыву означающего от означаемого в постмодернистской философии языка. Человек приобретает не вещи, не предметы, а статус, смысл и в конечном итоге оплачивает собственную идентичность, устроенную таким образом, что без подобных приобретений она не могла бы состояться.

Возникает вопрос: как «продвигающему» замкнуть потребление потребителя на его идентичность, чтобы добиться успеха. Путь один — сформировать у потенциального клиента-адепта соответствующие психологические комплексы различными методами селф-билдинга («формирования себя»), используемыми практически всеми направлениями современной практической психологии. И исходный инструментарий для этого, безусловно, даёт психоанализ.

Эта связь с психоанализом и современной психологией не случайна. Понятия «PR» и «продвижение» появились в США в 1920-е годы, и смысл их сводился к психоаналитическому манипулированию — именно тогда психоанализ находился на пике общественного интереса. Объектом манипулирования первоначально были домохозяйки со стабильной покупательной способностью. Впоследствии консультанты по «общественным связям» (с этим покупательским контингентом) начали отвечать за рекламу через фокус-группы, состоящие из тех же домохозяек. Дальнейшее развитие «продвижения» привело к созданию методов формирования и стимулирования спроса. В 1930-е годы эти технологии были проданы политикам. Спустя какое-то время протестанты и отчасти католики также попытались применить их в своей работе.

Может ли вообще психология быть полезной для нужд Церкви? Этот вопрос имел бы смысл, если бы не удручающая идеологическая нагруженность современной психологии. Её направления не столько анализируют свой объект, сколько формируют его, в результате чего объект теряет свободу воли, выбора и сознания.

Методология, как известно, неотделима от идеологии. Психология ставит целью помочь человеку «решить его внутренние проблемы», но в основе любого психологического подхода неизбежно лежит определённое мировоззрение. Не будем сейчас касаться бесконечной темы о либидо и принципе удовольствия, связанных с психоанализом. Возьмём для примера гештальт-психологию, другое популярное направление, созданное американцем Фредериком Перлзом, который предложил удовлетворение потребностей рассматривать как завершение гештальтов — умение человека фокусироваться на существовании «здесь и сейчас». В основе философии

гештальтизма лежит убеждение: «Делайте лишь то, что считаете нужным на данный момент. Это позволит в будущем не жалеть о том, что вы делаете сейчас». Такое жизненное кредо исключает долгосрочные ориентиры и формирует «мотыльковое сознание», в пределе исключая ответственность, а значит, и какую бы то ни было сотерию. Восприятие человека в точке «здесь и сейчас» (сравни «один раз живём», «бери от жизни всё») — очевидный регресс для христианской личности. Следующий шаг — переложить проблемы на другого, принести в жертву — его, но не себя.

Христианское сострадание к слабому, униженному и угнетённому человеку — совсем не тот путь, который проповедует сейчас психология, стремясь приспособить человека к релятивистской, внеморальной вселенной, сделать из него конформиста-супермена. Вот почему бессмысленна подмена жертвенной пастырской проповеди тренингами психологов-консультантов.

Церкви нужна своя собственная психология, которая будет строиться на прочных теологических основаниях — то есть работать «служанкой теологии» в самом лучшем смысле этого слова. Именно такой психологический анализ мы находим в христианской аскетике, в «Добротолубии». Не хватает лишь активного развития этого опыта в интересах современного верующего.

Итог

Долгосрочной задачей греко-протестантской «образовательной реформы» является встраивание церковной жизни в сферу секулярной экономики услуг. То есть в тот сегмент общественного поля, который подчиняется законам производства, потребления и обмена. Это попытка встроить святость в мир потребления.

Религиозные ценности даны нам изначально, они не «производятся», не «потребляются» и ни на что не «обмениваются». Христианские истины не могут быть включены в область действия электорально-политических институтов. **За Бога не голосуют, Ему проявляют верность.**

Любое «PR-продвижение» означает выбор из ряда альтернатив. Но альтернатива Богу только одна — дьявол, других альтернатив нет.

В XX веке наблюдались две попытки церковной реформации русского православия — февральская и октябрьско-советская. Сегодня мы станем свидетелями очередной попытки, на этот раз в русле либеральной модернистской идеологии греко-протестантизма.

При условии верности аутентичной святоотеческой традиции православный церковный организм преодолеет запущенный процесс внешних и внутренних расколов. Как в конце XX века не состоялся обещанный нам «конец истории», так и сегодня не состоятся «новое Просвещение» и «бесконечный» модерн. Наше духовное зрение позволит нам отличить злаки от плевел.

Александр Щипков
Источник: [«Парламентская газета»](#)
25 июня 2020 г.

THE MYTH THAT NICHOLAS II'S DEATH WAS MET WITH INDIFFERENCE BY THE RUSSIAN PEOPLE

Paul Gilbert

Revolutionaries burning the Tsar's portrait in 1917. Artist: Ivan Alekseevich Vladimirov (1869-1947)

Contemporary historians have led us to believe that news of Nicholas II's death was met with indifference among the Russian people. Rather than conduct their own research on the matter, they choose instead to rehash the popular Bolshevik version of events – this is in itself is not the sign of a good historian.

While the elation exhibited by the revolutionaries is indeed true, it did not reflect the heartfelt sentiments of millions of Orthodox Christians, monarchists and others in the former Russian Empire.

[Patriarch Tikhon](#) (1865-1925), openly defended the [Imperial family](#), by condemning the Bolsheviks for committing regicide. When the tragic news of the murder of the Tsar's family came, the Patriarch immediately served a memorial service at a meeting of the Council; then

served the funeral Liturgy, saying that no matter how judged the policy of the Sovereign, his murder after he abdicated and who did not make the slightest attempt to return to power is an unjustified crime, and those who committed him should be branded as executioners.

On July 17/30 the Patriarch said: “But we, to grief and shame, survived until the time when a clear violation of God’s commandments are not only not recognized as sin, but justified as legitimate. So, a terrible thing happened: the former Tsar Nikolai Alexandrovich was shot ... We must, in obedience to the teaching of the Word of God, condemn this action, otherwise the blood of those shot will fall upon us, and not just on those who committed it ... Let them call us counter-revolutionaries, let us be imprisoned, let us be shot. We are ready to endure all this in the hope that the words of our Saviour are also referred to us: “Blessed are they who hear the word of God and keep it” (Luke 11:28). “

Eugenie Fraser, born and raised in Russia writes about her years in Petrograd and news of the tsar’s death: “In August, filtered through from Siberia, came the news of the slaughter of the Royal family by the sadistic thugs of the Bolshevik party. Horror and revulsion touched every decent thinking citizen in the town. To execute the Tsar and his wife in this barbaric fashion was bad enough, but to butcher the four young girls and the helpless boy was the work of mindless criminals. In churches people went down on their knees and openly wept as they prayed for the souls of the Tsar and his family.”

“Even in all this turmoil and confusion, and even among those with little sympathy for the abdicated tsar, the brief five-line announcement in July 1918 of the execution of Nicholas II and his family in Ekaterinburg caused a terrible shock,” writes Serge Schmemmann. He further notes “Prince Sergei Golitsyn recalled in his diary how people of all levels of society wept and prayed, and how he himself, as a nine year old boy, cried night after night in his pillow.”

Major-General Sir Alfred Knox further noted in his memoirs: “An old soldier . . . breathed into my ear that the Emperor was a good man, and fond of his people, but was surrounded by traitors.”

It is important to recall that it was in the summer of 1918, when Lenin unleashed the first Red Terror. People lived in fear of punishment from the thugs and criminals of the new order, for showing any sympathy for the murdered tsar. Many hid their framed portraits of the tsar, and kept their grief and monarchist sentiments to themselves.

Paul Gilbert
tsarnicholas.org
6/23/2020

PERSECUTED FROM TRANSCARPATHIA TO PENNSYLVANIA—ST. ALEXIS TOTH AND THE CARPATHO-RUSYN STRUGGLE FOR ORTHODOXY

On the Orthodox Transcarpathian movement in Eastern Slovakia at the start of the twentieth century. How Rusyns brought Orthodoxy from America to Slovakia and were persecuted for it.

[Yurij V. Danilets](#)

Introduction by Matfey Shaheen:

In this article by Doctor of History Yurij V. Danilets, a professor of Ukrainian history department at the National University of Uzhhorod, we delve into the history of the Carpatho-Rusyns from what is today Eastern Slovakia, who were persecuted for their faith, and even accused of being agents of Moscow—all because they simply wanted to build an Orthodox Church; and for that, they suffered under Austro-Hungarian Uniate persecution. These Rusyns were part of and influenced [by the mass conversion to Orthodoxy which occurred in America](#) under [St. Alexis Toth](#), sparked by the sheer hatred the Catholic authorities had for them. Many of them came to America as Uniates, and due to discrimination against them by the Catholic Church, ironically, converted to Orthodoxy and ended up bringing the faith of their fathers back to their fatherland—from America of all places! Yet when they returned to their native Carpathian villages and wanted to build Orthodox Churches, they were arrested and prosecuted by the catholic authorities, and thought of as traitors establishing a “Moscow colony” and spreading Orthodoxy, which was considered “Russian propaganda.”

In light of the [tragic events in Ukraine](#), their story is particularly relevant, as we sadly see the very same arguments levied against members of the Ukrainian Orthodox Church by violent nationalist schismatics today. That is, that those who are members of the Orthodox Church, or support the canonical church are somehow agents of Moscow, that the Orthodox Church is secretly a conductor of Moscow’s influence, and that faithful born and raised in Western Ukraine worship a foreign, “Moscow god”¹. In modern Transcarpathia, priests have even [received death threats](#). We pray that people will be aware of their suffering, and through the prayers of all the Carpatho-Rusyn Saints, the Love of Christ will prevail in Transcarpathia and peace will come to Ukraine.

Throughout its [millennia-old history](#), Transcarpathia has repeatedly been enslaved to more powerful neighboring states, which oppressed and limited the rights of the population of this land. Such was the policy of the Austro-Hungarian and Czechoslovakian central authorities, primarily in economic and religious matters. This topic is complex and multifaceted. There are many examples of the repressive policies of Budapest and Prague regarding the Rusyns. This article will focus on one of the episodes in a long series of dramatic events caused by the actions of the Hungarian (Austro-Hungarian) authorities in Transcarpathia. It will also discuss the oppression of the Rusyns of the village of Becherov of the Sáros County or *Šariš Župa*² (as it is called in Slovak), which is now located in the Bardejov District of Slovakia, whose inhabitants decided to return to Orthodoxy in the beginning of the twentieth century. Moreover, we will turn not only to printed materials, but also to archival sources.

The history of the revival of the Orthodox Church in Northeastern Hungary (which Transcarpathia was a part of), was of interest to many researchers; many articles have been published on the revival of Orthodoxy here, on the Marmarosh-Sigot trials, on the policy of *Magyarization*³ of the local population. However, not all publications had an archival basis, not all were impartial, because their authors handled the situation based on church affiliation or political convictions. There is still no special monograph on the history of the revival of the Orthodox movement in Eastern Slovakia at the beginning of the 20th century.

In Austro-Hungary, laws were in force (in 1868 and 1895), according to which all citizens of the empire were free to change their religious affiliation. But in practice, as the experience of the first years of the twentieth century showed, these laws were applied selectively. We will not dwell here on the reasons for the Orthodox movement among the Ruthenians in Austro-Hungary, but we will name the main ones pushing the Rusyns to leave the Union of Uzhhorod:

- The policy of denationalization and *Magyarization* of the local population, carried out by the Hungarian authorities and the Greek Catholic hierarchy, the aim of which was the complete assimilation of the Rusyns, and their transformation into the faithful sons of the Austro-Hungarian Empire;
- economic pressure from the Greek Catholic clergy and local landowners;
- and the struggle for the preservation of the Eastern rite and the opposition to the Latinization of the Church.

All these reasons, as well as many others derived from them, sparked the revival of Orthodoxy in Northeastern Hungary.

By the end of the nineteenth century, many Rusyns went abroad to earn money, primarily to the United States, to Canada, and Latin American countries. In a foreign land, many new parishes, brotherhoods, and shelters were founded. In 1889, the Greek Catholic [Priest Alexis Toth](#) from the lands of Prešov came into sharp conflict with the Roman Catholic Archbishop John Ireland, administrator of the diocese of St. Paul and Minneapolis. The cause of the conflict was the desire of the American Catholic bishops to transfer spiritual leadership of the Greek Catholics from Austro-Hungary to the Polish Catholic priests. This was done in order to finally Catholicize (Latinize—i.e. to leave the Greek rite and follow the Roman rite), the Rusyns immigrants, and force the Uniate priests to return to the Old World. The Pittsburgh bishop even declared that “a married priest is not simply bad—they can’t even be Catholic.”⁴

Father Alexis Toth

The [consequence of this conflict](#) was that Father Alexis Toth, after a meeting with the flock, sent the trustee John Mlinar to San Francisco, to the Russian Orthodox Bishop Vladimir (Sokolovsky). “We shall not eternally bow before foreign bishops, let’s find a Russian one at last!”⁵ A parishioner said at a meeting St. Alexis called. To the amazement of Mlinar, however, Bishop Vladimir did not allow him to receive Holy Communion, explaining that he

was a Catholic, and not Orthodox. This fact shocked Mlinar, and he wrote Father Alexis Toth a letter, in which he asked the question: “What Faith do we really have? They taught us—and you taught us—that we are Orthodox, and yet here, an Orthodox Bishop did not allow me to go to Communion—he sent me away to a Catholic Bishop. What is our faith? They told me that I am a Uniate! What kind of Uniate? This is the first I’ve heard about this in my life, and I consider myself an Orthodox Christian!”⁶

In February of 1891, Father Alexis Toth himself went to San Francisco, and asked the bishop to receive him together with his flock into the heart of the Orthodox Church. On March 25, 1891, Bishop Vladimir served the Divine Liturgy in Minneapolis, which marked the beginning of the history of Orthodoxy among the emigrants from Austro-Hungary.⁷

The Greek Catholic Bishops: Yuliy Firtsak of Mukachevo⁸ and Ján Vályi of Prešov⁹ on February 12, 1893, sent a message to the US entitled “To our beloved sons living in America”.

They expressed regret that they could not provide spiritual support for their emigrants, and suggested that believers perform rites and receive sacraments with the Roman Catholic priests (where there were no Greek Catholic pastors). In addition, the bishops strictly admonished the flock to stay away from Father Alexis Toth.¹⁰

We have brought up these facts here, for the reason that already by the end of the nineteenth, and beginning of the twentieth centuries, a significant portion of the emigrants returned to their homeland, bringing back Orthodoxy (ironically, the faith of their fathers) with them. Of the three centers where the Orthodox movement began in the early twentieth century, two of them—the villages of *Becherov* (Bardejov District of Slovakia) and *Velyki Luchky* (Mukachevo district, Transcarpathian Ukraine)—were directly connected with the [movement of mass conversion to Orthodoxy in the United States](#).

The Orthodox movement was heard about for the first time in the village of Becherov via reports from the American press. The newspaper “Svet” (Light), in the issue of April 8 (21), 1900, posted a letter from a resident of this village Vasyl Tutka. He said that a local priest, learning about the raising of funds in the United States for the construction of an Orthodox church, began to put pressure on local residents. The peasant quoted the priest: “Watch out! I’ll teach you to mess with the *Moskal*’¹¹ faith! We’ll send soldiers to kick you out of the village and seize your land and homes!”¹²

Priest Mikhail Artim

On September 20, 1901, a letter came from Budapest from the Ministry of Cults and Public Education to Bishop Ján Vályi of Prešov. It stated: in connection with the fact that “a pan-Slavic trend with Orthodox overtones was uncovered in Becherov which spreads dissidence in the country,” it is necessary to investigate and establish: the number of people who converted to Orthodoxy in Becherov and its surrounding region, as well as what kind of coordination was noticed between persons planning to create an Orthodox community.¹³ Fulfilling the order of the ministry, the Bishop of Prešov ordered an investigation. Its representative, District Dean Ivan Kapishinsky and his assistants organized a general meeting of the villagers on October 17, 1901. Peasants were also invited to the meeting, who wanted to go convert, or had already converted to Orthodoxy (V. Tutko, V. Zbigley, P. Lazorik and others). Local priest Mikhail Artim said that the Orthodox movement in Becherov arose under the influence of emigrants from the United States. He said the desire to leave the *Unia* was only for financial reasons: supposedly the peasants, in the event of conversion to Orthodoxy, hoped for financial assistance from Russia. The priest brought the religious issue to the political plane. “If they convert to the Moscow faith and receive permission to build a church, then there will be a Moscow colony in Becherov as in there is in Minneapolis in America, and later the whole land will turn into *Moskal’* territory.”¹⁴

Peasants who were convicted of converting to Orthodoxy rejected these allegations. They stated that the reason for their conversion to the Orthodox faith was an acute conflict between their relatives and a local priest that arose more than three years ago. “Our women¹⁵ and fathers wrote letters to us when we were in America, in these letters they complained about the pastor.”¹⁶ Therefore, the emigrants, upon returning home, decided to build a separate church and transfer it to the jurisdiction of the Orthodox bishop in Budapest.¹⁷

In March of 1901, I. Banitsky and V. Tutko visited the Orthodox bishop, who gave them instructions on the legal transition to the Orthodox Church. However, when they returned home, the police searched them, confiscated their books, and arrested the owners themselves as “traitors to the Empire.”¹⁸

The protocol of the investigation of September 17 and the documents of November 11, 1901 show that the accusers did not recognize their membership in the Orthodox Church. The documents of the episcopal inspection were sent to state bodies, which gave their “proper” assessment. The prosecutor Janosh Paxi ordered the arrest of three peasants: A. Zbigley, V. Zbigley and V. Tutka, for anti-Catholic propaganda. The peasants’ homes were searched and periodicals from the USA were seized.¹⁹ On March 19, 1902, they were charged.²⁰ However, after some time, the prosecutors failed to prove any guilt, and they were released.

We learn about the further development of the Orthodox movement from a letter marked “Secret” sent by the Ministry of Cults and Public Education on May 14, 1903 to Bishop Ján Vályi of Prešov. The ministerial official noted that at the end of December 1902 a message was received from a Becherov priest in Budapest, in which the latter said: “Military-aged men who were in America, absorb schismatic teachings and Pan-Slavism, and returning to their homeland, disseminate them, and also collect funds for Russian organizations in America.”²¹

From the investigation, it became known that Fedor Hryvna, a native of Becherov, was engaged in fundraising in the United States. He also allocated a plot of land for the construction of the future Orthodox church in his native village. “It follows from the report of the chief judge,” the letter states, “that F. Hryvna and several of his associates were in bad relations with their priest, and this also led to the spread of Russian propaganda.”²²

Further, the author of the letter reported that the Minister of the Interior Kálmán Széll drew attention to a publication in the newspaper the “American Orthodox Herald”, published in New York, which posted messages on the decision of the Saint Petersburg Synod to support the Orthodox faith in America, and those persons who intend to return to their homeland and contribute to the construction of an Orthodox church in the village of Becherov. The ending of the aforementioned letter is extremely important. In particular, the official writes in it: “Noting that the majority of emigrants will return home, and if an Orthodox church will be

built in Becherov, then later in other cities, especially in the east of our country, Orthodox churches will also be built. This is fraught with a threat not only religious, but also national-political. From the above it follows that the construction of an Orthodox church in the village of Becherov should be prevented by all legal methods, since Russian political pan-Slavism is leaking into the country on the pretext of a religious institution.”²³

The bishop was encouraged to take measures to identify the initiators of the spread of “political pan-Slavism” in Becherov for its further eradication.

In early August 1903, a group of peasants from Becherov visited the Orthodox bishop in Budapest. The Bishop supported the idea of building an Orthodox church. The peasants, in the case of the establishment of the Orthodox community, were attached to the parish in Eger. In a letter dated August 29, 1903, they asked the bishop to send one of the most respected priests to Becherov for the peaceful settlement of affairs.²⁴

Having studied all the necessary questions, the Bishop entrusted this task to the canon Cornelius Kowalicki, who held a “hearing” on September 10, 1903 in the village. During the investigation, the peasants admitted that they visited Orthodox churches in the United States, that they raised funds for the construction of a church in their homeland, and visited the Orthodox bishop in Budapest. They said that they wanted to go to Orthodoxy because of the local catholic priest Mikhail Artim: “Especially since he became a state deputy in parliament (1901-1905), on Sunday and holidays he is not at home, but if he accidentally is at home, he is engaged in private affairs of foreign people; sometimes it happens that on Sunday and holidays he preaches, but his sermon is not connected with faith and moral behavior, but is connected with state affairs and private events.”²⁵

A result to all these events in Becherov is summarized in article 164 of 1904 newspaper *Tserkovnye Vedomosti* (Church News): “The suppression of Orthodoxy in the village of Becherov was accompanied by numerous arrests and processes aimed at accusing members of the movement of treason and pan-Slavic propaganda, but a most thorough investigation in this case did not reveal the slightest trace of treason or pan-Slavism.”

Sources that would testify to the further development of the Orthodox movement in the village of Becherov in the Austro-Hungarian period were not found. It is only known that several peasants who were persecuted by Austro-Hungarian soldiers returned again to the United States. Subsequently, when these lands became part of Czechoslovakia, a significant part of the village converted to Orthodoxy.

Doctor of History
Translated and slightly edited by Matfey Shaheen
Pravoslavie.ru
6/23/2020

1 <https://spzh.news/en/zashhita-very/64085-velikij-krestnyj-khod-upc-i-khody-raskolnykov-kak-prazdnovali-kreshhenije-rusi>

2 Šarišská župa with proper grammatical cases applied. A župa is a Slavic term which is often translated as country or district. This region was known as Comitatus Sarossiensis in Latin and Шариська жупа in Ruthenian—Trans.

3 To make Hungarian—Trans.

4 Translated from the Russian. Ашкинази З. Православное движение в Подкарпатской Руси. С. 19. (Ashkinazi, Z. The Orthodox Movement in Subcarpathian Rus'. Pg. 19)

5 This famous phrase in American Orthodoxy is recorded by the author of this article in a Ruthenian dialect thusly: “Не вічно ж будемо чужим єпископам кланятися, підемо до руського” and another nearly identical version is found in the book “The Beginning of the History of American Rus” by Protopresbyter Peter Kohanik in a Rusyn dialect more similar to literary Russian: “нѣтъ, пойдѣмъ къ русскому епископу, не вѣчно ж чужимъ кланятися”—Trans.

6 In original Rusyn: Якой же мы веры? Нас учили - и вы учите, - что мы православные, а тут мене православный епископ до причащения не допустил - отогнал мене до католического бискупа. Якая же тота наша вера? Мени говорят, же я униат; який униат? Коли я николи о том не чул, я себе за православного христианина держал?” Коханик П., протопресвитер. Начало истории Американской Руси. Коннектикут, 1970. С. 490. (Kohanik, Protopresbyter Peter. “The Beginning of the History of American Rus’.” Connecticut, 1970. Pg. 490.)

7 Bugel W. Ekleziologie Uzhorodske unie a jejich dedicu na pozadi doby. Olomouc, 2003. С. 158; Saint Alexis Confessor and Defender of Orthodoxy in America. Minneapolis, 1994. С. 4; Недзельский И., протоиерей. Пятидесятилетие русской православной колонии в г. Миннеаполисе // Golden jubilee album of The St. Mary's Russian Orthodox Greek Catholic Church. Minneapolis, 1937. С. 136.

8 Bishop Yuliy Firtsak was born in 1836 in the village of Khudlevo (now in the Uzhhorod district of Transcarpathia). He was educated at the theological seminary in Uzhhorod and the Greek Catholic seminary in Vienna. In 1861, he was ordained a Greek Catholic priest. Professor (1861–1876) and rector (1876–1887) of the Uzhhorod Theological Seminary. During the years 1887-1890, he was a member of the Hungarian Parliament. From 1881-1912, Bishop of the Mukachevo Greek Catholic Diocese. // Енциклопедія історії та культури карпатських русинів (Encyclopedia of history and culture of the Carpathian Rusyns.) Pg. 782-783.

9 Bishop Ján Vályi was born in 1837 in the village of Venchello (now Szabolcs-Szatmár-Bereg county) in Hungary. He studied in Debrecen, Uzhhorod, Great Varadin, and Vienna. In 1865, he was ordained a priest by Bishop Joseph of

Hagenz. Since 1869, he was a Doctor of Theology. Since 1870, the Prefect of the Uzhhorod Theological Seminary, subsequently professor of history and canon law. In 1873 he was appointed adviser to the Holy See, and in 1878, the Mukachevo titular canon. In 1883–1911, he was Bishop of the Prešov Greek Catholic Diocese. См.: Váli Jan (Valij) // Slovenský biografický slovník (od roku 833 do roku 1990). IV. Zväzok T-Z. / Vladimír Mináč. Martin: Matica slovenská, 1984. S. 215; Šturák P. Biskup Dr. Ján Vályi (1837–1911) // http://grkatpo.sk/?jan_valyi; Д-ръ Іоаннъ Вальи, епископъ Пряшевскій // Листок. 1891. № 20. С. 233–235.

10 Archív Gréckokatolíckeho Biskupstva v Prešove (далее – AGBP). Prezidiálne spisy. Inv. č. 40. Rok: 1893. Signatúra: neuved. (Archives of the Greek Catholic Episcopate of Prešov, from here on forward *abbreviated as AGBP*)

11 A discriminatory word for Muscovites, Russians—Trans.

12 Свет. 1900. 8 (21) апреля. С. 2. (Svet. 1900. April 8 (21). Pg. 2)

13 AGBP. Prezidiálne spisy. Inv. č. 49. Rok: 1903. Signatúra: 42. Докум. от 20.09.1901 г.

14 Ibid. It is worth noting this whole argument that those who convert to Orthodoxy or are members of the general “Russian Church” are somehow agents of Moscow is the same argument we see raised in modern Ukrainian by contemporary persecutors of the Ukrainian Orthodox Church—that those members of the canonical Church are following the “Moscow faith” or even a “Moscow god”—Trans.

15 The Carpathian immigration to America came in three waves, the first two being the largest. The men came first, and then the women, therefore many of the women were still in the homeland and reporting to their husbands in America what was happening—Trans.

16 Ibid.

17 At that time, Lucian (Bogdanovich) (Lukijan Bogdanović) was the Bishop of Budapest. He was born in 1867 in the city of Baja. He studied in Baja, Sremsky Karlovci, Eger. He was tonsured a monk in 1891, archimandrite of the Ascension Monastery in Beočin (Vojvodina). From 1892—Bishop of Buda. Since 1908 he was elected Archbishop of Karlovci and Serbian Patriarch. He died in 1913. The appeal of the peasants to the bishop in Budapest was caused by the fact that the Karlovac Metropolia functioned within Austria-Hungary. Its foundation dates back to 1690. In 1710, the Serbian Orthodox Church recognized the autocephaly of the Karlovac Metropolia, and after the revolutionary events of 1848–1849, its status was elevated to that of patriarchate. The Buda (Budapest) diocese was one of seven within the framework of this church community. See: K. Skurat. History of Local Orthodox Churches: 1994. Part 1. Pg. 114.

18 AGBP. Prezidiálne spisy. Inv. č. 49. Rok: 1903. Signatúra: 42.

[19](#) Zeguc I. Die nationalpolitischen Bestrebungen der Karpato-Ruthenen. 1848-1914. Wiesbaden, 1965. S. 107. (In German)

[20](#) Dyrud Keith P. The quest for the Rusyn soul: the politics of religion and culture in Eastern Europe and in America. 1890 - World War I. Philadelphia: The Balch Institute Press; London and Toronto: Associated University Presses, 1992. P. 88-89.

[21](#) AGBP. Prezidiálne spisy. Inv. č. 49. Rok: 1903. Signatúra: 42. Докум. от 15.05.1903 г.

[22](#) Ibid.

[23](#) AGBP. Prezidiálne spisy. Inv. č. 49. Rok: 1903. Signatúra: 42.

[24](#) Ibid. Докум. от 29.08.1903 г.

[25](#) AGBP. Prezidiálne spisy. Inv. č. 49. Rok: 1903. Signatúra: 42. Докум. от 10.09.1903 г.

See also

***The Orthodox Church in Transcarpathia—
A Brief Historical Overview***

Yurij V. Danilets

Tribe of Carpathian Russia

Rusyns, Part 1: The Lost

Matfey Shaheen

Carpatho-Rusyns (as a

Terra Incognita) in the Third Millennium
Archpriest Dimitry Sydor